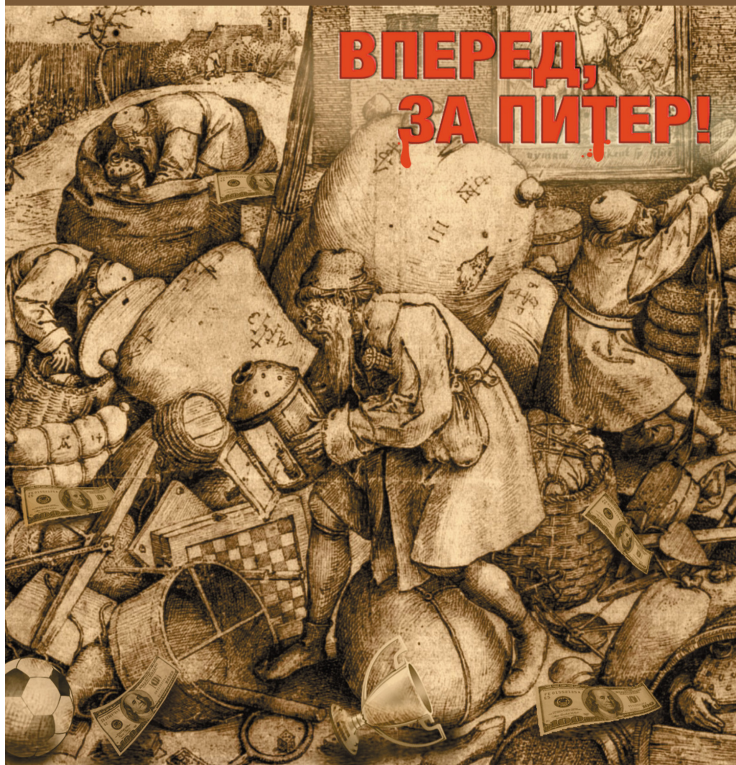

Золотое слово

Сергей Сурин

Издательство Интернационального Союза писателей

Сергей Владимирович Сурин

Вперед, за Питер!

Серия «Золотое слово»

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43032816

Вперёд, за Питер: Интернациональный Союз писателей; Москва; 2019

ISBN 978-5-00153-066-4

Аннотация

Преданному футбольному болельщику снятся удивительные сны – с рыцарями, инквизицией и красочным триумфальным шествием, а наяву он уговаривает свою непокладистую и острую на ответ супругу лететь на финальный матч любимой команды. И вот они уже в салоне самолета. И счастье было так близко, что совершенно непонятно – почему теперь он на лужайке, аккуратно вырубленной в непроходимых джунглях, привязан к какому-то отполированному столбу?! А местные жители: одни – в набедренных повязках, называющие себя патриотами, другие – в строгой офисной, несмотря на жару, одежде, представляющиеся либералами, – ходят вокруг него, удовлетворенно кивают, и, боже упаси – облизываются?

Содержание

Часть первая. «Утренний сюрприз»	8
Часть вторая. «Были сборы недолги»	18
Часть третья. «В аэропорту»	30
Часть четвертая. «В салоне самолета»	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Сурин
Вперёд, за Питер

Окончил ленинградскую школу с углубленным изучени-

ем английского языка и Ленинградский электротехнический институт имени В. И. Ульянова (Ленина) по специальности «прикладная математика». В институтском театре сыграл Бургомистра и Воланда. Был соучредителем и редактором литературных альманахов «Катапуф» (с Андреем Луниным) и «Перерыв на работу». Окончил вечернюю музыкальную школу и один курс музыкального училища по специальности «джазовое фортепиано».

Как композитор и музыкант выпустил альбом-ораторию «Четверг» и написал музыку к нескольким театральным спектаклям Петербурга (режиссер – Андрей Лунин). Выступает с концертами дуэтом с сыном Игнатом (рояль или акустическая гитара / виолончель).

Стал соучредителем (с Иваном Меркурьевым) и главным редактором федерального художественно-публицистического альманаха «Литературные кубики», издававшегося в Санкт-Петербурге в 2006–2009 годах. В альманахе были опубликованы повести «Снова и снова» и «Весна нараспашку», а также публицистические статьи Сергея Сурина.

Занимался переводами английских статей и книг на футбольную тематику для блога Ивана Меркурьева <http://arsenal-blog.com/>. Писал статьи об истории английского футбола для журналов «Футбол», «Мужская работа» и различных интернет-сайтов.

Преподает английский язык и математику.

В 2018 году в московском издательстве «АСТ» вышла

книга Сергея Сурина «Английский футбол: вся история в одной книге. Люди, Факты, Легенды».

Часть первая. «Утренний сюрприз»

То, что вслед за воинами в легких разноцветных хитонах с круглыми щитами и короткими мечами ехали конные рыцари с длинными копьями в тяжелых, бедные лошади, доспехах, а за рыцарской кавалерией чеканили шаг солдаты со скатками и автоматами Калашникова, – укладывалось в голове по двум причинам. Во-первых, доблесть – она и под Троей, и под Берлином доблесть. Во-вторых, – если из пространства истории сделать футбольное поле, то автоматчики займут защитные редуты – попробуй, пройди их по флангу, рыцари – центральную линию поля, выходя на всем скаку из непробиваемой обороны в стремительное нападение, – ну а тем, с короткими мечами, – где же еще проявлять остроту, как ни на острие атак? И тогда – бородатому во главе колонны, – в длинной черной рясе с номером «один» на спине и блестящим серебряным кубком в поднятых руках, – ничего не останется, как быть голкипером.

– А правда, что, если пройти с победой под триумфальной аркой, то многое пройдет: мигрени, бронхиты...

– А глупость?

– Про глупость не слышал, но болезни, говорят, в момент уходят, ты – как заново рожденный...

– И опять в школу?

Нет, – по второму разу в школу никому не хотелось.

– Но почему во главе поставили бородатого? – никак не мог уговориться сосед, – почему не меня, не тебя?

Бородатый, будто услышав, обернулся и передал кубок, чтобы теперь воин первой шеренги, поцеловав трофей, сделал с ним несколько шагов и с сожалением расстался. И Всеволод, поправив хитон, представил – что совсем скоро он проделает ровно то же самое, но как при этом забьется сердце, как он забудет ради этого то, что не забывается ни при каких обстоятельствах, как всё остальное в этот момент не будет иметь значения...

– Зацелуют ведь до дыр, – сосед нервничал, представляя дырявый кубок.

– Кубки поцелуев не боятся, – успокаивал Всеволод.

– Точно? А сколько шагов его можно нести?

– Чтоб не лопнуть от гордости – буквально несколько.

Свисток арбитра, шествие остановилось: все расступались перед женщиной в черной рубашке с короткими рукавами и темными шортами, а Всеволод смотрел по сторонам, пытаюсь догадаться – кому сейчас не повезет. Не догадался: судья стояла прямо перед ним с красной карточкой в поднятой руке.

– Это вы мне? – кому же еще, раз все кругом отпрянули от удаления подальше, – Вы шутите? За что?

Нет, не шутила, не собиралась объяснять, и надлежало выйти из колонны.

– Но у меня даже предупреждения не было!..

Как нет теперь ни малейшего шанса остаться среди прочих.

– Пойдите, – но однополчане и без того стояли, – я ничего не нарушал и постоянно был в пределах правил... За что же карточка?

За то, что судье виднее. Решительный жест – на выход из колонны – сопровождался долгим неприятным свистом...

– Да выключи ты этот долбаный будильник!

Глаза бы открыть...

– Почему я должна утром в выходной просыпаться от мерзкого свиста? Это мне за что? Неужели нельзя найти какой-нибудь нормальный звук, а не свисток арбитра?

Разбуженная ранним субботним утром жена реализовывала свое неотъемлемое право на вопросы, – триумфом не пахло.

– Дорогая...

– Да, недешевая. Не нравится – ищи себе другую. Которая будет просыпаться под футбольный свисток и наблюдать с тобой – как двадцать состоятельных придурков гоняют по газону кожаный шарик...

– Послушай...

Взяв пульт со своей тумбочки, включил телевизор – тот, что висел ровно напротив его половины большой двуспальной кровати и транслировал теперь обзор вчерашних матчей.

– Уже десять лет, как слушаю. И слышу, как нейроны моз-

га круглосуточно гоняют мяч у тебя в голове, а в мысли не складываются!

И в другом телевизоре, висевшем напротив ее половины кровати, пошла очередная часть полицейского сериала.

– Послушай, ну что мы всё ругаемся? Давай взлетим над всем этим мелочным и...

– Ты на свое брюхо смотрел прежде, чем взлетать? Мы скорее к соседям снизу провалимся...

Да, размеры живота не позволяли надеяться на легкий и стремительный взлет – и зачем так хорошо идет пиво под футбол?

– ...И за этого дебила я вышла замуж как последняя дура!..

– На последней я бы не женился...

И прибавил громкость футбольной аналитики, заглушая допрос свидетеля.

– Это те слова, которые я должна была услышать от тебя утром в выходной?

Не дала полицейских в обиду: телевизор Всеволода можно теперь только смотреть, а слышать – алиби, улики и мотивы...

– Но твои слова ведь тоже не сплошная нежность. Просто...

– У тебя всё просто. Но твоя простота у меня уже в печенке сидит!..

Подумал, что если исследовать печень женщины, то на-

верняка можно найти в ней много необычного – что, или кто, там только не сидит!

– ...Ты о чем-нибудь, кроме футбола, думаешь? Когда я покупала себе новое платье?

– Чек сохранился – можно посмотреть...

– А на чеке написано, что в моде уже другая цветовая гамма?

– Честно говоря...

– Честный нашелся! Да, у меня твоя честность знаешь где...

– Я искренне рад, что мои лучшие качества нашли в тебе приют и бережное хранение...

Глаза Юлии сузились и стали наливаться неблагородной яростью. В такие минуты воздух казался Всеволоду карим, а любимая супруга – готовой к растерзанию пантерой. Было неуютно.

– Сарказм в субботу утром? Ты не видишь, что я взволнована? Не знаешь, что в этом состоянии со мной лучше не шутить?

Да знал, конечно, видел. И всё это время тщетно пытался передать супруге информацию – уж слишком жестким оказался прессинг на разговорном поле. Но как бы долго ни прессинговал соперник, он, рано или поздно, предоставит шанс для прорыва...

– Вижу, знаю, не шучу: у меня для тебя сюрприз, ради которого и свистел будильник на твою голову. А теперь на счет

три – выключили телевизоры и забыли то, что наговорили с утра друг другу. Три!

Не сорите жребием, бросайте его аккуратно, – как и древнеримский Юлий, Юлия оказалась перед нелегким выбором: доводить свой разум до кипения или, напротив, охладить до миролюбия.

– Мы куда-то идем?

– Быстрее, чем идем...

– Едем?

– Нет, еще быстрее.

– Летим?

– Ты представляешь? У нас с тобою будут крылья!

– Значит – лазурный берег, о необходимости посещения которого так долго говорила тебе твоя супруга? Спасибо, любимый! И извини, что я, как стерва...

– Нет, с Лазурным Берегом мы не играем...

Глаза Юлии, специально прикрытые в предвкушении чудесного, теплого, лазурного – стали медленно раскрываться. Так бывает с бутонами по весне, но то по весне и с бутонами, а здесь конкретно надвигалась буря – с агрессивной мглою и недружелюбным покрытием неба.

– Да, да, ты абсолютно правильно поняла: мы летим на нашу игру...

Увидев, как с лица супруги сползает улыбка, не забудьте подумать о вечном: лишним не будет.

– На какую такую игру?

– На нашу. Футбольную.

– Кто летит?

– Мы с тобой.

– Ты бредишь?

– Давай обсудим это в самолете.

– В каком самолете?

Разговор с женой – те же шахматы, где ходы надо планировать наперед, просчитывая возможные ответы. Информация о поездке категорически не укладывалась в голове супруги, и Всеволод подумал – что есть же салоны красоты с процедурой «укладка волос», но где найти салоны понимания с «укладкой информации»?

– Давай еще раз сначала. Я организовал поездку на наш финальный матч. Самолет стартует сегодня, в день юбилея нашей свадьбы. Завтра вечером – назад.

– Ты разве не знаешь, что у нас плохо с деньгами?

– Но это не тот случай, когда надо экономить...

– А то, что в ванне кафель отваливается – не тот случай, когда надо тратить?

– Но я говорю о сакральном – о том, что пропустить нельзя...

– А мои слова о треснутом окне, в которое попал ваш мяч – пропускать между ушей, выходит, можно?

– Послушай, я просто хотел, чтобы мы были там, на матче, вместе. А на фоне этого окно и кафель...

– А я просто не хочу жить на фоне треснутого окна и от-

валивающегося кафеля! И если ты готов существовать, как Диоген в бочке, или как Ленин в шалаше, то ищи себе...

– Как Ленин лучше: в бочке застрять можно...

– Чтобы в бочке не застрять, надо меньше пива жрать. Детей не во что одеть – а он в полет собрался, крылья расправил...

– Прямо, дети голыми ходят...

– Голыми не ходят. Но в нашей, знаешь ли, цивилизации принято...

– В нашей – в смысле, в вашей, в женском отделении? Где комфорт и вкусная еда?

Всеволод почувствовал, что его предательски унесло в открытую контратаку. Конечно, команда, вечно пребывающая в обороне и не помышляющая о взятии чужих ворот, уважения не вызывает. Но, направив действие, можно, как говорят классические механики, немедленно нарваться на противодействие.

– А там, где вкусная еда, тебя не пробегало? Нарываешься на женский марш?..

Жесткий утренний разговор с супругом – это хорошая зарядка, своего рода, семейный фитнес – причем, не надо ни платить за абонемент, ни добираться до спортивного комплекса, бодрость – в шаговой доступности.

– Марш не согласован...

– Обустраивать жилище – плохо, а устраивать войны – хорошо?

– Нехорошо. Воевать надо на футбольном поле...

– А кто, устав от сражений, бежал домой – к уюту и теплу?

– Ну, рыцарь домой, конечно, заезжал, но долго не задерживался. Проверит – похожи ли на него дети, и в следующий поход. За доблестью и победой...

– Рыцари – это не про вас. Рыцари сами выходили на поле, а вы – профессиональные наблюдатели...

– На то и разделение труда. Без которого, кстати, не было бы и нынешнего комфорта...

– ...двадцать миллионов прихожан переживают – закатят ли двадцать миллионеров с отбитыми мозгами кожаный шарик в загон с сеткой...

– Что ты, нас гораздо больше, чем двадцать миллионов...

– Вот счастье-то! Рыцари хотя бы рыцарские поступки совершали, а вы пялитесь на мячик, чтобы потом за пивом вспоминать – кто как его пнул. И я должна тебе в этом компанию составить?

– Не в этом. Как ты не понимаешь: это же не просто поездка, а своего рода паломничество. Точно такое же, кстати, как тогда было у рыцарей...

– Я валяюсь без баяна! У них паломничество!

– Да – у человека должна быть своя мечта. И свое паломничество...

– Держите меня семеро! Не Отелло Дездемону задушил, а смех...

– ...тебе не понять – потому что, когда болеют за команду,

то переживают не за личный и семейный комфорт, а...

– За общее дело? Сейчас, ей-богу, запою! Скорее дайте флаг. А лучше два...

– ...да, за победу. Представь: там на кону не материальная добыча, а эмоция...

– Конечно – добычу за вас другие поделят, а вам – эмоции с барского стола.

– Эмоции бесценны. При этом я с тобой согласен, что рыцари сегодня извелись, иссякли. Но ведь и женщины уже нете! Вот раньше, какую-нибудь тысячу лет назад, жены почитали своих мужей практически за апостолов. Первая молитва благоверной, часов в шесть утра – была о том, чтобы грядущий день принес супругу удачу с вдохновением, а приготовленный завтрак придал бы ему силы на свершения...

– Когда, говоришь, была первая молитва у благоверной?

В руках у Юлии – футбольный мяч, – один из тех, что, перемещаясь в свободном автономном режиме по квартире, закатился в спальню и оказался кстати.

– Часов в шесть. Что, рано?

От мощного удара мячом в лоб – откинулся на подушку, глаза сами закрылись, но перед этим успел подумать – вот, раньше, когда мячи прошивали, причем прошивкой наружу, – мужьям было больше...

Часть вторая. «Были сборы недолги»

– Чертов лес – когда ж он кончится? Забыл, наверное, что уже смеркается и пора выпустить нас на опушку.

– Почему – забыл? На месте леса я бы тоже продолжался: одно дело – волки и зайцы, другое дело мы. Мы для леса в диковинку.

– Вот и оставайся в залог. Не помню – кто из братьев был богом сумерек, Кастор или Полидевк?

– Работали по очереди. Диоскуры вообще демонстрировали завидную взаимозаменяемость...

– Ребята, можно не грузить? Доспехи тяжелые, а еще вы о Диоскурах. Лошадей хоть пожалейте – как им сносить всё это...

– То ты на месте леса, то ратуешь за лошадей – сплошной день забот у тебя. Но вообще – ты конкретно за свою кобылу говори. Я о том внушительном брюхе, которое ей приходится перевозить вместе с доспехами...

– Тяжелая кавалерия не должна быть легкой. Заблудимся, или в плен к сарацинам попадем – помогут внутренние резервы!

– Не надо сгущать краски – и так темнеет на глазах. Хотя, по-моему, кони уже учуяли запах трапезы...

– А я учуял женский голос, или мне мерещится?

Ветер развеивал сомнения: «...опять он глаза закрыл, нет – вы только посмотрите! Ему с собой интереснее! А я тут, дура скучная, его разговором устаю! Ты слушаем страусом не был в прошлой жизни? Не слышит! Как красиво не слышит! Ушел в высокое...»

– А вот и опушка! Значит, деревня где-то близко...

– Вон она. На главной площади – постоянный двор с трактиром, или мне глазам своим не верить?

– Всё так. А в трактире наш ужин. Кто сядет за стол последним – платит за всех!..

Суета на постоялом дворе образовалась невиданная – ленивый и тот прибежал посмотреть, как наперегонки спешиваются и разоблачаются, а под приветственный скрип входных дверей и тщетные увещевания высокого темнокожего охранника – вваливаются в трактир разгоряченные рыцари, уж больно каждый не хотел стать последним. И шоу продолжалось: уставшие рыцари выбрали стол, а любопытные обитатели деревни прилепились к окнам.

– Вина! Немедленно! И сыра!..

– А знаете восьмое чудо света? Вернувшись из похода, собраться за столом с друзьями и вспоминать под терпкое вино – как это было, как могло случиться...

– Давайте позже о чудесном. Я тут подумал: сколько ж крови выпили у нас супруги?

– Море! Я удивляюсь, что еще осталась кровь, которую

мы можем проливать в походе.

– И ходят по пятам с претензиями – мол, мы не те, за кого их выдавали...

– Зато они не изменились: как раньше пили нашу кровь, так и сейчас.

– Вот и хозяйка! Неси уж сразу и второй кувшин. Давайте – за победу!

– Отличное вино!

– Но после нас его здесь не должно остаться.

– Не лопни. Лучше мне скажи, зачем придумали походы и сраженья?

– Чтобы от жен мы отдыхали.

Под смех вино не то, что уходило, – убежало: один кувшин сменить другой спешил, не дав ни шанса образумиться.

– Ну а театр? Чтобы семейные скандалы зря не пропадали?

– И как это мы столько тысячелетий вместе...

– Чтоб не скучать и размножаться. В раю Адаму стало скучно, и Бог решил развеселить его...

– Развеселил.

– Пути господни не для обсуждений. Хочу увидеть дно в кувшине. С нами Создатель. За победу!

– А знаете, я слышал – много лет назад женщины были скромны и немногословны. И почитали мужа чуть ли не за божество...

– То были люди или птицы? И на какой звезде это проис-

ходило – я пропустил?

– ...жена, проснувшись с первыми лучами солнца, молилась, чтобы утренний сон мужа придал бы ему силы на предстоящий день...

– Он бредит.

– Или мечтает. Точно не спит: иначе бы храпел. Есть тост. Давайте выпьем за свободу. За то, чтобы никто и никогда ее у нас не отобрал.

– Давайте. За свободу! Стоя!

Прилипшие к окнам хоть и не стояли за свободу, зато видели то, что не замечали рыцари: к их столу неотвратимо приближалась местная уборщица – в приглядном фартуке с растрепанными волосами. Тост за свободу сделал ее лицо гораздо более ожесточенным, взгляд – угрожающим, движение – ускоренным. Допив вино, ее наконец-то замечает первый рыцарь и замирает на полуслове. Следом дар речи пропадает у второго. Третий же рыцарь, сидевший к ней спиной, запел протяжно рыцарскую застольную и был немало удивлен тем, что друзья не подхватили песню.

– Друзья, что не поете? И почему такая скорбь на лицах? В трактире кончилось вино? На нас напали сарацины?

– Вот с сарацинами как раз было бы попроще.

– Пожалуй, будет лучше, если мы уйдем.

– Уйдете?

– Но мы будем рядом.

– И примем тебя, тяжелораненого или полумертвого.

– Вот только мертвым к нам уже не приходи. Удачи.

– Это розыгрыш?

– Как обернешься, сразу пригибайся. Мы ушли.

И обернулся.

– Что, за свободу пьешь?..

Жена, работающая здесь уборщицей?..

– Дорогая, каким же ветром тебя занесло в эти края...

– Есть специальный ветер – заносит брошенных жен и оставленных детей.

– Но я же не бросал...

– Не перечь мне!

– Прости. Но, правда, как ты сюда попала? И что тут делаешь?

– Скучаю!

Схватила кубок со стола и бросила, не целясь. Как увернуться? – надо ловить, ну а когда поймал, – Всеволод с кубком в руках опять сидел в их спальне на краю кровати.

– Я вкалываю, как проклятая, чтобы погасить кредиты...

– Мы платим за стремление к комфорту...

– Забыла, когда в салоне красоты была...

– Поэтому и выглядишь неплохо...

– Откуда тебе знать? Ты ничего вокруг себя не видишь!

Хорошо, что на полу валялся детский щит – им можно как-то прикрываться от самых разнообразных предметов, летевших в него вдогонку репликам в качестве восклицательных знаков.

– Вовсе нет.

– Не нет, а да! Тебе безразлично всё, что не связано с футболом!

– Но ты же не знаешь...

– Не перечь мне! У меня каждый выходной наперечет, а он сюрприз придумал – лететь за тридевять земель, чтобы посмотреть на тружеников газона...

– Да что ты к ним цепляешься? Они не виноваты, что им столько платят...

– Это не я к ним, это вы к ним прицепились, – сколько можно попусту тратить время?

Последними полетели подушки – к предметам интерьера Юлия не перешла.

– Папа! В дверь же звонят, а вы не слышите! Так мы откроем?

– Мама, а теперь папина очередь в тебя бросать, да?

Дети любили смотреть, как мама кидает в папу всё, что попадется под руку. Процесс и вправду был настолько захватывающим, что только теперь супруги услышали настойчивые звонки в дверь.

– Это Смирновы. Они возьмут к себе до завтрашнего вечера детей...

– Ура! К Смирновым!

– Ты псих. Я никуда не полечу.

– Послушай...

– Я никуда не полечу.

– Давай...

– Я никуда не полечу.

– Они еще в кровати – смотри-ка! Как молодые!

– Вы что, ребята? У вас же самолет...

– Самолет у Всеволода. Здравствуйте. Пойдемте на кухню.

– Как так?

– Один большой самолет и весь у Всеволода?

Юлия и Смирнова ушли на кухню. Смирнов задержался

в спальне.

– Упрямится?

– Только пули летят по степи. Что так поздно?

– Полиция барсеточников ловит – не проехать.

– У вас полчаса, чтобы уговорить.

– Через двадцать минут приходи на кухню.

– Похоже, ничего не выйдет...

– Оставь прогнозы метеослужбам. Твое дело – собраться, а мы откроем волшебный напиток...

– А что за крик?

– Наш плачет.

Орал и вправду младший Смирнов: дети сразу же стали играть в полицейских и барсеточников, но поскольку никто не хотел быть полицейским, стражем порядка назначили самого маленького, который бурно отреагировал на несправедливость. Вмешались взрослые. Теперь полицейским будет каждый из детей по очереди.

– И еще: не перечь. Лучше – просто глупо улыбайся. Всё,

я на кухню.

– Только уж не наезжай как танк...

– Учишь ученого. Займись вещами.

Себе Всеволод лишнего имущества не брал, и в чемоданы полетели Юлины вещи без особого разбора – не слишком верилось, что генеральная линия супруги способна развернуться, даже при участии скорой дипломатической помощи. Время еще не вышло, а чемоданы насытились вещами, – закрыл глаза и оказался на дороге.

Пропускали танки. Пехота сдвинулась к обочине и устроила себе отдых, наблюдая за летящими к главному удару стальными машинами. Победа была уже близко, но по-прежнему стояла жертв – просто так соперник не сдастся. Почему его внимание привлек один из танков? Он как будто притормозил, проезжая мимо, чтобы уж наверняка прочиталось написанное на башне: «Вперед, за Питер!»...

– Пошли. Потом отоспишься.

Смирнов, тянувший его на кухню, уже вызвал такси.

– И помни: соглашаешься с виноватым видом... А вот и наш трудяга! Смотрите – Всеволод уже собрал чемоданы. Ювелирная сборка!

– Как это собрал? И красное платье положил?

– Да.

– И это...

– Синее, да.

– Такси приехало!

– А эти...

– Туфли – белые с перламутром? На дне.

– Ну, если ты еще и сапоги положил...

– Сверху.

– Ребята, такси ждет!

– ...То я тебя поцелую.

– Теперь я часто буду по утрам собирать чемоданы...

– Теперь стоит поторопиться – самолет не будет ждать!

Когда на улице запели про покидаемый тихий край, край

немедленно перестал быть тихим.

– В аэропорт?

Чемоданы в багажник и скорее в путь.

– Да. И немного опаздываем...

– Я должен взлететь?

– Было бы кстати...

– Крыльев нет. А город перекрыт: барсеточников ловят.

– И долго будут их ловить?

– Не доложили. Пока не надоест.

– Я забыла помаду!

– Купим в дьюти-фри.

– Обещаешь?

– Чтоб нам на последних секундах пропустить!

– На футбол летите?

– Конечно на футбол! Сегодня все летят на футбол!..

Речь Юлии была вдохновенной: чувствовался волшебный

напиток.

– ...даже журавли летят – посмотрите на небо. Думаете, куда они летят? Туда и летят. Куда и мы. И только вы почему-то не летите. Игнорируете всеобщий тренд!

Таксист тревожно посмотрел на Юлию и еле успел затормозить: на дорогу выскочили двое полицейских с автоматами.

– Выходите из машины!

Вышли.

– Автомобиль временно будет использован в связи с чрезвычайной ситуацией.

В подтверждение сказанному полицейские сели в машину.

– А если...

– Расслабься, водитель. Тебе всё компенсируют. И премию выпишут.

– И орден дадут.

Машина рванулась по направлению к чрезвычайной ситуации.

– Стойте! Вещи!

И помчалась быстрее ветра – ведь в багажнике уезжавшей машины лежали чемоданы, а в них – сапоги и туфли с перламутровыми застежками. Юлия обогнала разворачивающуюся машину и перекрыла собой движение автотранспорта.

– Ты что?

– Чемоданы отдайте!

– Какие чемоданы?

– В багажнике наши вещи!

– Да мы ж тебя задавить могли, дура!

Один из полицейских выскочил из машины. Но и Всеволод уже был рядом:

– А если бы твои вещи кто-то увозил, ты бы стоял как умный?

– Да я...

– Отдай им чемоданы, и поехали.

Приказал полицейский, сидевший в салоне такси. Коллега, выругавшись, выкинул багаж. Уехали. Ушел и возмущенный таксист – прогноз его был неутешительным: никто за ними не приедет, когда в городе такие операции.

– Ну что, возвращаемся домой?

Всеволод не отвечал: мечта сбываться не хотела.

– На футбол едем?

Откуда, интересно, перед ними взялась полицейская машина?

– Похоже, уже не едем.

– Автомобиль реквизировали?

– Еле вещи успели вынуть.

– Садитесь.

– Что?

– Если вам в аэропорт, то лучше поторопиться.

Перед лобовым стеклом висел клубный вымпел – так что через сто метров уже обсуждали тактическую схему на предстоящий матч, а то, что у водителя – высокого полицейского

– был темный цвет лица, – не смушало: обгорел или родился смуглым...

– А твоя жена молодец – автомобиль на скаку останавливает!

– Горжусь!

Юлия наливалась (на удивление молча) от гордости. А Всеволод думал – вот бы и нашим форвардам включать сирену, чтобы без помех прорываться к воротам...

– Вы уж там за меня поболейте.

– И поболеем, и победим! Может, с нами?

– Никак: служба.

И пели – про то, как будешь ты от дома далеко... Всеволоду казалось, что автомобиль не едет, а летит над городом, а песня служит топливом для двигателя внутреннего сгорания. В это он мог поверить. Гораздо сложнее было поверить своим ушам: не жалея голосовых связок, его супруга пела вместе со всеми – о том, что ты не будешь один никогда...
Неисповедимы пути твои, Господи. Не обсуждаемы.

– Вот вам аэропорт. Успели.

– Сколько мы вам должны?

– Победу.

Обнялись как старые друзья.

– А мне ты обещал дьюти-фри. Помнишь?

Часть третья. «В аэропорту»

– Еле успели. Проклятые границы. Когда уже их отменяют?

– На том свете. Но тебе туда еще рано: ты жене помаду не купил.

– Дорогая, самолет на взлетной полосе...

– А где же ему еще быть? Конечно, на взлетной. Самолет жене помаду не обещал – он может лететь, куда хочет.

– Уже посадку объявили...

– И правильно сделали. А теперь послушай мое объявление. У тебя свои мечты – и масштаб их велик. А у меня – скромные, бытовые желания. Ты хочешь, чтобы твоя команда выиграла Кубок. А я хочу, чтобы мой муж купил мне в дьюти-фри хорошую помаду. И помнить об этом я буду так же, как и ты о своем Кубке – очень долго. Внукам буду рассказывать. Перед сном. После твоего рассказа о выигранном Кубке, разумеется...

– Но самолет нас ждать не будет. Смотри, вон ребята уже пошли...

– Значит, они своим женам помаду заранее купили.

– Хорошо, но только ради всего святого – очень быстро...

– С этого момента – я мадам Быстрова. Майорша Вихрь. Ураган Жаклин. Нет, – Коллет. Нет... Как там звали тот страшный ураган, не помнишь, милый?..

– Дорогая, ты не могла бы...

– Могла бы, если ты, вместо того, чтобы занудно бубнить, поможешь мне выбрать то, что я хочу. А хочу я наверное эту...

– Очень достойная помада.

– Ты думаешь? Или всё-таки ту?

– Давай ту, она лучшая из всех.

– Ты говоришь от чистого сердца, или чтобы побыстрее отделаться?

– От самого чистого сердца в округе. Только самолет улетает. Осталось пять минут...

– Послушай, мы собираемся отдыхать или спешить и дергаться? Ты думаешь, это так легко – сделать правильный выбор? Тренеру вашему гораздо легче состав на матч выбрать, чем мне помаду. Булкин впереди, Белкин сзади, остальные где-нибудь в центре. Или в очереди за премиальными. Все дела. Вот, смотри, какой симпатичный цвет!..

– Я давно хотел тебе ее предложить...

– Но ведь она слишком пресная. Или ты хочешь сказать, что я чересчур вульгарная, и мою болтливость надо нейтрализовать бесцветной помадой?

– Извини, я имел в виду другую. Просто промахнулся.

– Эту? Да ты за кого меня держишь? Такими помадами девки в ваших пабах мажутся – чтоб вы на них косились под пиво. Лучше уж не советуй, если тебе всё равно. Стой и молчи. Может эту, как ты думаешь?..

– Думаю, что мы опоздаем и останемся в аэропорту. Са-

молет улетает.

– Без нас? Без нас не улетит, милый. Ну а если улетит, то – подумаешь, беда какая – улетит без нас. Следующим рейсом полетим. Что ты так разволновался? А если все-таки вот эту взять, я тебе буду нравиться? Только попроси, чтобы света прибавили...

А как тут прибавить? – двух больших чаш с огнем, расставленных по сторонам арены, явно не хватало для освещения столба, к которому над вязанками дров и пучками соломы привязали ведьму. Ей предстояло на глазах у многочисленных зрителей, заполнивших трибуны – уйти из жизни. Трибуны, надо признать, выглядели странно – сектора разделялись при помощи неровных деревянных изгородей, и наряду с местными жителями, вполне себе деревенскими, – разместились на лавках рыцари в блестящих доспехах с длинными копьями и пешие воины в разноцветных хитонах с короткими мечами. Особым вниманием собравшихся, пока не прозвучал свисток главного арбитра к началу мероприятия, пользовалась трибуна для почетных гостей, где сидели люди явно нездешние и высокопоставленные. Среди королей и епископов выделялся надменный мужчина в яркой развевающейся на ветру одежде – не по вечеру легкой, – на левом плече его недовольно переминался с ноги на ногу находившийся пестрый попугай. Чтобы высокие гости чувствовали себя спокойно, у изгороди, отгораживавшей VIP-трибуну, прохаживался высокий крепкий темнокожий парень, с

удовольствием откликнувшийся на имя Жак.

Сам же Всеволод в черной, явно неудобной рясе стоял на арене напротив жертвенного столба с незажженным факелом в руках, из чего следовало, что по свистку арбитра ему предстояло торжественно разжечь костер. Ведьму, похоже, не слишком тревожило происходящее – она безучастно смотрела в небо и шевелила губами, и Всеволод, как ни старался не обращать внимание, а разбирал вполне отчетливо:

– ...И ты зря думаешь, что я не тороплюсь – я очень тороплюсь. В другой раз я бы еще долго выбирала, а сейчас – настроена решительно. На самом деле я давно уже заприметила одну помаду – просто мне хотелось, чтоб ты тоже на нее глаз положил. Ведь это важно, чтобы муж знал, что нравится жене. Понимаешь? Стали два одною плотью, так что они уже не двое, а одна плоть. То есть, мы уже не сами по себе, а команда, защищающая одни ворота – так тебе яснее, да?..

– В поле не видно ни зги, скорее костер нам зажги!

Зрители всё настойчивее требовали зрелища, а самый активный сектор еще и беспрерывно подпрыгивал, чтобы согреться и вывести сплоченность на новый уровень.

– Раз, два, три, – ты нам, ведьма, тут не ври!

Ври – не ври, исход предрешен: со своего места поднялся главный инквизитор региона. На парадной мантии – яркий орден «За охрану истины» и золотой свисток футбольного арбитра. Возбужденные предстоящим сожжением зрители стихают, даже активный сектор больше не прыгает. За-

молкли, насторожились.

– За вредность, упрямство и психическую неуравновешенность, за постоянные претензии, своеобразие и чрезмерное стремление к комфорту делаю подсудимой первое предупреждение.

Достал из кармана желтую карточку. И показал – раз уж достал.

– За организацию ссор и скандалов с параллельным обременением крыльев супругу и периодическим надругательством над его мечтой выношу подсудимой второе предупреждение.

И второй раз желтая, как лимон, карточка направляется в сторону будущего костра.

– По совокупности содеянного постановляю: удалить подсудимую из нашей жизни.

Красная карточка была вынута из другого кармана и зафиксирована в высоко поднятой руке.

– И да покинет наши сердца на время сожжения случайное сострадание и малейшее милосердие.

Подойдя к чаше с огнем, Всеволод обернулся на ведьму. Привязанная к столбу, с растрепанными волосами, внимательно смотревшая в небо, и наконец-то – беззвучно – шевелившая губами, – ведьма вызывала его симпатию, и с этим ничего нельзя было поделать. Мало того: Всеволоду показалось, что она не просто шевелила губами, а посылала ему воздушный поцелуй, – от чего в руках у него тут же вспыхнул факел! Всеволод готов был поклясться, что произошло

какое-то странное самовозгорание, – впрочем, зрителей его клятвы совершенно не волновали.

– Гори, гори, ясно. Зрелище – атасно!

Пока шел с горящим факелом – зрители входили в раж. Входить в раж ритмично помогали двое – один с большим барабаном, исправно выделявшим сильные доли, другой – с дирижерской палочкой. Всеволод и не заметил, как оказался перед удаляемой из жизни...

– Она мешает тебе жить! Эту тему надо закрыть!

Скандировали слаженно, волну запустили по трибунам. Так что, если смотреть на происходящее со стороны, то это было красивое и впечатляющее зрелище. Главное – не смотреть на происходящее со стороны жертвы, – думал Всеволод, – тогда будет уже не до слаженности речитативов и колыхания трибун. Впрочем, Всеволод не хотел сейчас быть и тем, кому по свистку арбитра придется поджечь хворост во-круг ведьмы, – самим собой...

– Раз, два, три, – ну-ка, ведьмочка, гори!

Свисток арбитра.

– Ты сама это выбрала...

Вздыхнул Всеволод, но так и стоял с горящим факелом, не разжигая костра, под нарастающий свист аудитории.

– Да, выбрала. Заплатишь? Ау, ты заснул? Мы уже не торопимся?

Всеволод открыл глаза. Раскошелился. И во всю прыть на посадку...

– Смотри, милый – там эти, как они, министры, что ли? Которые нами управляют... А этот – сыщика играл, точно тебе говорю, только забыла где...

То и дело останавливалась, зацепившись взглядом за очередного знаменитого пассажира, и каждый раз, заглядываясь, намазывала губы – слой за слоем – купленной помадой. Таким образом, Всеволоду приходилось не только бежать с ручной кладью в руках и с посадочными талонами в зубах, но и тащить в качестве прицепа восторженную и перманентно прихорашивавшуюся супругу. Но он видел: еще не отвели трап, еще проходят на посадку, а значит, они обязательно успеют, – и это делало его поступь твердой и стремительной.

– Стой, там наши. Смотри, смотри!..

Теперь заглядеться на футболистов приспичило Всеволоду, а сдвигать с места и тащить за собой партнера пришлось уже Юлии. Со стороны это очень похоже на любовь, подумал Всеволод. Одна плоть, одна команда, играем без замен... Пройли последний контроль, взбежали по трапу и оказались в салоне самолета, который тут же, как будто только их и ждал, покатился по взлетной полосе.

Часть четвертая. «В салоне самолета»

– Ну скажи, ведь я была права? Можно я у окна? Спасибо, милый. Мы всё прекрасно успели. Уже надо пристегиваться? И ты тоже пристегнись. А если б ты не злился и о своем не думал, могли бы еще и очки купить.

– Ты слабеешь глазами?

– Я глазами прекрасна. Как ты думаешь, еще слой помады нанести, или я и так неотразима? А купить надо было модные солнцезащитные очки. Что, если солнце будет мне глаза слепить? Как я на твоих четверть-защитников смотреть буду?

– Подожди. Документы не потеряли? Вот они. Деньги? Тоже на месте. Вратарь, кстати, без очков играет. И ловит мячи, даже когда ему солнце в глаза светит. Удары, навесы, прострелы, угловые, – всё ловит...

– Так ты же не вратаря в поездку пригласил, а меня. Я правильно понимаю или что-то путаю?

Всеволод вздохнул и закрыл глаза: надо было проверить обмундирование, насладиться рассветом и вспомнить, что вино в той деревне – на редкость! Не без труда забрались на лошадей, – прыть и ловкость у рыцарей появятся позже, где-нибудь к полудню. Если б не было так тихо в округе, то и

не доносил бы ветер еле различимый, но от этого не менее напористый женский голос: «... вот пригласишь потом своего вратаря и пяльтеся с ним на солнце без очков. Можете на море съездить – там поярче будет... Но в этот раз ты взял не его, а меня, напоминаю, такая уж мне честь выпала, – и мне нужны очки, чтоб смотреть на солнце. Мы с твоим вратарем вообще очень разные, хотя количество глаз и совпадает. И мне очень жаль, что ты об этом забываешь...»

– Благослови, Господи, путь наш, победу нашу – предстоящую, самоотверженную...

Молитву читал один из рыцарей – должно быть, дежурный по отделению.

– ...добавь, Господи, взаимопонимания и жесткости оборонительной линии и придай ускорение нашим флангам, а уж по центру мы как-нибудь прорвемся. Аминь.

– С богом!

Пришпорили лошадей.

– Что будем пить на привале? Кофе или чай?

– Виски.

Оказывается, – и как его только раньше не замечали? – крайним слева ехал высокий темнокожий рыцарь.

– Меня зовут Жак.

И вдруг весьма фамильярно хлопает Всеволода по плечу!

– Хватит дрыхнуть, ты постоянно отключаешься! Слышишь?..

Юлия была недовольна и стукнула еще раз.

– ...Тебя спрашивают – что ты будешь пить.

– Кофе, пожалуйста.

– И на соседа обрати внимание, мы с ним уже познакомились. Он милый и не пропадает каждые пять минут.

Рядом с Всеволодом, на третьем кресле, действительно сидел, не пропадая, высокий крепкий африканец. Африканец также внимательно смотрел на Всеволода и приветливо улыбался.

– Вас, кажется, зовут Жак?

– У меня несколько имен – это зависит от того, чем я в данный момент занимаюсь. Так принято в нашем племени. Сейчас я – Жак.

– А у меня одно имя. Всеволод. В нашем племени мы все одноимённые... Послушайте, я не мог вас где-то видеть?

Всеволод протянул руку.

– Очень, очень приятно! Мир чертовски тесен на нашей планете – так что, вполне могли меня видеть, к тому же я высокий, знаете ли, – меня хорошо видно...

Жак, когда тряс руку Всеволода, даже слегка приподнялся с кресла.

– ...Кстати, в нашем племени чаю и кофе предпочитают крепкие напитки.

– Да, я тоже больше люблю виски... Но где же я мог вас видеть...

– Так в чем же дело?

Не успел африканец ловко выхватить из-под кресла бу-

тылку виски, как на откидных столиках также неожиданно появились три стакана.

– У вас замечательная ловкость рук. Что ж, за знакомство! Хотя меня не покидает ощущение, что мы уже знакомы...

Всеволоду действительно захотелось снять напряжение – день задался непростой. Нервов с утра было уже потрачено столько, сколько и за иной полуфинал не тратится.

– И за ваши здоровья!

– Вы хорошо говорите по-русски.

– Работа предполагает знание языков. Предлагаю выпить за мир без языковых барьеров! Без проклятых границ!

– А вы тоже летите болеть?

Юлия не кокетничала, просто любопытствовала.

– Нет, я лечу отдыхать. Домой, в Африку.

– Всеволод, а мы что, тоже летим в Африку?

Удивленно посмотрела на Всеволода.

– Нет, мы летим в Европу. Мы не играем в европейских кубках с африканскими командами. Возможно, Жак летит с пересадкой.

– Нет. У Жака, или, как вы говорите – у меня – прямой рейс. Я не летаю с пересадками, это неудобно.

Юлия снова уставилась на супруга в изрядном недоумении, – что за странный самолет, где каждый летит в своем направлении? – но Всеволод пожал плечами: в каждом племени – свои причуды. В нашем, вот, пришло время традиционному свинству: «Поставь погромче!..» – «Погромче, но не

передачу, а песню!..» – «Не песню, а лекцию о культуре паса!» – «А я говорю – шансон!» – салон до краев наполнялся пьяными голосами.

– А пока они не подрались, предлагаю попробовать фирменный напиток нашего племени.

И как это можно так ловко выхватывать сосуды из-под кресла?

– Только одна просьба, Жак: хоть вы и не летите болеть, а давайте – за нашу победу.

– Не вопрос. За нашу победу!

– Юлик, неудобно отказываться.

– Буду пьяной.

– Пьяной легче свинство переносится.

– Какое свинство?

– Предстоящее.

– Так вот, зачем вы пьете: чтоб рылом к рылу свинства не увидеть! Кстати, а с каких пор ты стал предстоящее видеть? Или после третьей ты всегда ясновидец?

– Всеволод просто хорошо знает свое племя. За победу. А Всеволоду – успешно отработать в фаланге.

– В какой фаланге? Сева, он бредит?

Поначалу Юлии нравился африканец, а теперь настораживал.

– Нет, путает слова. У него другой родной язык.

– А вы по какой линии работаете, Жак? По филологической?

– По скаутской.

В третий раз вопросительно посмотрела на мужа.

– Отслеживает, отсматривает того, кто нужен команде.

Селекционная работа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.